

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНТРОПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТСКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК)

Варвара Васильевна ФИЛИППОВА¹

Varvara Philippova

АННОТАЦИЯ

Загадки рассматриваются автором как своеобразная кумулятивная ниша культурно-значимой информации, соотнесенной с картиной мира. В данной статье совершается анализ семантической структуры антропонимов, встречающихся в текстах якутских загадок. Анализ семантики номинаций денотатов дается в широком фольклорном и культурно-этнографическом контексте. Антропонимы классифицированы по группам: прозвища, сказочно-мифологические имена и личные имена, заимствованные из русского языка.

Ключевые слова: загадка, якутский фольклор, антропоним, имя, прозвище, собственное имя.

¹ Deputy director for scientific work, teacher of the Russian language and literature of Municipal educational institution "Berdigestyakh Regional Grammar school", заместитель директора по научной работе, учитель русского языка и литературы Муниципального образовательного учреждения «Бердигестяхская улусная гимназия», 678030, Россия, Республика Саха (Якутия), Горный улус, с. Бердигестях, ул. Октябрьская, 16, varvf@yandex.ru.

SEMANTIC ANALYSIS OF ANTROPONIMS (ON THE MATERIAL OF THE YAKUT NATIONAL RIDDLES)

ABSTRACT

Riddles are considered by the author as a peculiar cumulative layer of the cultural and significant information correlated to a view of the world. In this article the analysis of semantic structure of antroponims in the Yakut riddles. The semantic analysis of the nominations of denotats is given in a wide folklore, cultural and ethnographic context. Antroponims are classified by the following groups: nicknames, fairy and mythological names and the personal names borrowed from Russian.

Keywords: riddle, Yakut folklore, antroponim, name, nickname, proper name.

В своем происхождении загадки обнаруживают связь с явлением табу и тайной речи, архаическим ритуалом и мифопоэтической картиной мира. Загадка «подобно символу, способна сохранять в свернутом виде исключительно обширную и значительную информацию. Этому способствуют ее художественные особенности: четкая композиционная структура, ритмичность, метафоричность, параллелизм различного типа и т.п.» (Габышева, 2009: 110). Так как загадка имеет иносказательный характер, загадываемый предмет не называется, а вместо него дается его метафорический эквивалент.

Метафоризм мифической мысли предстает в загадках «с помощью образов, отражающих природную среду, и наоборот – метафоризм любит зашифровывать природу социальными отношениями (т. е. описывать природу как человеческое общество). Как отмечает Э. Кенгэс-Маранда, процесс отгадывания ближе к академическому испытанию, чем к творческой логике. Идея единства микромира и макромира положена в основу универсальной «антропоморфической» метафоры (Кенгэс-Маранда, 1978: 32).

Одним из основных способов загадывания в загадках разных народов является персонификация денотата и наречение его определенным именем. С помощью имени в загадках создается особый художественный образ.

В сборнике «Якутские загадки», составленном известным якутским фольклористом С.П. Ойунской, из 2728 традиционных якутских загадок нами выявлена 171 загадка с именами собственными (Ойунская, 1975). Антропонимы классифицированы по группам: якутские прозвища, сказочно-мифологические имена, русские заимствованные личные имена. Примечательно, что в загадках отсутствуют традиционные якутские антропонимы, например, *Ньургун*, *Туйаара*, *Сардаана* и др.

В основу архаичных якутских имен положены лексемы, несущие яркую эмоциональную окраску, выступающие средством мотивированной характеристики, то есть, прозвища (Рудных, 1970: 222). Якутские прозвища фигурируют в 100 загадках. 49 мужских прозвищ сопряжены с лексемами, обозначающими родство (*уол* ‘сын, юноша’, *күтүөт* ‘зять’), военные титулы (*боотур*, *бухатыыр* ‘богатырь’, *бөгө* ‘силач’, *бэргэн* ‘удалец’), социальный статус (*суруксут* ‘писарь’, *тойон* ‘господин’, *саар*, *ыраахтаагы* ‘царь’, *баай* ‘богач’, *ойуун* ‘шаман’). Прозвища мужского рода употребляются также в паре со словами, называющими умения и род занятий: *сүүрүк* ‘бегун’, *кылыһыт* ‘прыгун’, *түөкүн* ‘воришка, мошенник’.

14 женских антропонимов сочетаются с терминами родства (*кыыс* ‘девушка, дочка’) и социального статуса (*хотун* ‘госпожа, хозяйка очага’, *сарыысса* ‘царица’, *удаган* ‘шаманка, удаганка’).

В связи с отсутствием в якутском языке грамматической категории рода среди антропонимов найдено 36 наименований без указания гендерных признаков: *Эргэл-дьэргэл* ‘мелькающий, Непоседа’ (отгадка: *дьэргэлгэн* ‘мираж, марево’), *Күөрээн-аараан* ‘Крикун-Суматоха’, *Огдоруку-Чугдарыкы* ‘Непоседа-крикуша’ (отгадка: *ой дуораана* ‘эхо’), *Эңин Түөрэй* ‘Всяко-Скользучка’, *Килэс-талас* ‘Мелькуша-Дразнилка’ (отгадка: *күлүк* ‘тень’), *Уһун Дьатылык* ‘Длинный Джатылык’ (*суол* ‘дорога’), *Туман-таратыы* ‘Туман-таратыы-разбросанный-рассеянный’ (*тибиш* ‘метель’).

Важную роль в процессе именованя играют закономерные понятийно-отражательные и внутриязыковые факторы (Арутюнова, 1970: 314). Так, в загадках есть имена, в основе которых лежат образные слова, указывающие не на один, а на ряд признаков и, в целом, дают «картинку». Эти антропонимы описывают анатомические особенности, физические недостатки, цвет кожи, фасон одежды человека, то есть его внешний вид, например: *Даллааны огонньор* ‘старик Далланы-распростертые руки’ (отгадка: *ой дуораана* ‘эхо’), *Майбары тойон* ‘толстый, пузатый; низкорослый, раскидистый господин Майбары’ (*хатың* ‘береза’), *Аадаң бөгө* ‘Пузан-силач’ (отгадка: *хомурдуос* ‘жук’), *Мохчохоон огонньор* ‘старик Мохчоохоон-Сутулко’ (отгадка: *собо* ‘карась’), *Күлтэс боотур* ‘богатырь-Пучеглаз’ (отгадка: *харах* ‘глаза’), *Адаарыйа бухатыыр* ‘Адаарыйа-Растопырка’ и *Быһа Быакатта* ‘Обтянучка-перетянучка’ (отгадка: *кымырдагас* ‘муравей’), *Ырыа Ыгданай* ‘Ыгданай-короткошея’ (отгадка: *сахсырга* ‘муха’), *Кэдээрикээн эмээхсин* ‘старуха-Выгибуха’ (отгадка: *хаардаах төңүрдэстэр* ‘пни со снежными шапками’), *Суодьяах бухатыыр* ‘богатырь Суоджах-Хромоножка’ (отгадка: *тайах мас* ‘посох’), *Хоруо хара Хоруодья* ‘Хоруоджа-черномазый’ (отгадка: *улар* ‘глухарь’).

Подробнее остановимся на описании некоторых имен данной группы: *Солко-түрбэ таңастаах Догдоохоон ойуун дуораанныйар уһу*. Говорят, шаман Догдоохоон-короткий в шелковом одеянии песни распевает. Отгадка: *тойон ыңырыа* ‘шмель’ (Ойунская, 1975: 102). Имя происходит от лексемы *догдогор* ‘куцый, кургузый, короткий’ и говорит о внешнем виде денотата. Шаманские песни и костюм, увешанный многочисленными металлическими пластинами, создают своеобразный акустический образ, подобный жужжанию шмеля.

Дьааһылаан эмээхсин дьааһыгын аанын ким да кыайан аспат үһү. Говорят, у старушки Джасылан-Зевотушки крышку сундука никто приоткрыть не может. Отгадка: *халлаан сырдыыра* ‘рассвет’ (Ойунская, 1975: 30). В этой загадке, по мнению С.П. Ойунской, имена использованы с целью аллитерации, а рассвет уподобляется раскрытой пасти мифического существа (Ойунская, 1975: 351). Уточним, что при наступлении утра все живое просыпается. Имя *Дьааһылаан* ‘Зевотушка’ указывает на физиологический процесс – зевоту при пробуждении.

Клубы мороза в доме описаны посредством имени *Көппөрөөк күтүөт* ‘Зять Пухляк’ (Ойунская, 1975: 53). Якутская лексема *көптөй* означает ‘вздуваться, опухать в одном каком-либо месте, сильно увеличиваться в объеме’ берет корни от тюркского *көл* ‘пухнуть’ (Пекарский, 1959: стлб. 1154, 1153). Антропоним участвует в создании объемной картины денотата.

Встречаются имена, указывающие на определенную манеру поведения. Например, имя *Эңин Түөрэй* ‘Всяко-Скользучка’ в загадке о тени дает полную функциональную и внешнюю характеристику денотата, так как тень действительно скользит по различным поверхностям: *Эңиңтэн хаалбатах Эңин Түөрэй баар үһү.* Говорят, Всяко-Скользучка от всячины не отстаёт (Ойунская, 1975: 65).

Природное явление мираж, загаданное с помощью имени *Чамаан кылыһыт* ‘Чаман-прыгун’, относится к разряду оптических, оно состоит в «появлении у горизонта ложных изображений участков неба или земных предметов» (Ожегов, 1984: 304). Лексема *чамаан* в словаре якутского языка имеет коннотации ‘хвастливый’, ‘широкий’, ‘просторный’, *чамаан киһи* означает ‘хвастун’, ‘чванливый человек’ и происходит от слова *чап*, *чабыланы* ‘хвастовство’ (Пекарский, 1959: стлб. 3566, 3573). Особую семантическую окраску широкому, распростертому по всему небу «хвастливому» миражу дает номинация ‘прыгун’: мираж колеблется в воздухе, то, исчезая, то, появляясь вновь, будто совершая прыжки.

Эргэл-дьэргэл ‘Эргэл-джэргэл Непоседа’ является вторым образным именем миража, оно встречается только в загадках и образовано от лексемы *дьэргэй* ‘мелькающее’ (Ойунская, 1975: 39). Имя характеризует денотат как шустрого непоседу. Одной из главных подсказок в этой паремии становится анаграмма имени денотата, заключенная в фонетической структуре антропонима: *Эргэл-дьэргэл = дьэргэлгэн.*

Бары омул тылын билэр Баллыгыраан огонньор баар үһү. Есть, говорят, старик Баллыгыраан (Бормотун-говорун), знающий все языки мира. Отгадка: *ой дуораана* ‘эхо’ (Ойунская, 1975: 42). Имя *Баллыгыраан* образовано от *баллыгыраа* ‘говорить несвязно’, ‘болтать (языком)’, ‘пустословить’, ‘молоть вздор’ (Пекарский, 1959: стлб. 353). В словаре С.И. Ожегова приведен пример: «Как эхо повторять что-нибудь (точно и бездумно)» (Ожегов, 1984: 792).

Интересно, что в создании образа эхо участвует метафора молодой девушки: *Нэмтэн маннат Нэмтээкэн Куо баар үһү.* Говорят, есть всюду нос сующая вездесущая Нэмтэкэн-Куо (Ойунская, 1975: 43). Вымышленное имя произошло от слова *нэм* (*дэм, дэн*) ‘суть вещи’, ‘сноровка’, ‘быстрота’. *Куо* – приставное слово к женским именам в олонхо и сказках (ср. с телеутск. *ко* – ‘прекрасный’, ‘гармоничный’, ‘правильно выросший’) (Пекарский, 1959: стлб. 1696). Существует загадка-омоним о тени: общим для обеих отгадок становится быстрота и неустанность повторения за человеком звуков (эхо) и действий (тень).

К именам анализируемой группы относятся антропонимы: *Үтүктээччи Үүтэкэн* ‘Дразнящая Ютякан-Дразнилка’ (отгадка: *кулук* ‘тень’), *Сибикинэ* ‘Сибикинэ-Шептун’ (отгадка: *кутуйах* ‘мышь’), *Табыкына* ‘Табыкына-Хлопотун’ (*хабды* ‘куропатка’), *Күлэр бөгө* ‘Хохотун-богатырь’ (*тыял* ‘ветер’), *Ордоохоон ойуун* ‘шаман Ордоохоон-Громоглас’ (*этиң* ‘гром’).

Некоторые антропонимы создают особое звуковое впечатление, к примеру, *Огдоруку-Чугдарыкы* ‘Непоседа-Крикуша’ (отгадка: *ой дуораана* ‘эхо’), *Дырылаан удаган* ‘шаманка Дырылан-жужжелка’ (*кумаар* ‘комар’), *Доргоон тойон* ‘господин Эхо’ (*таас хайа* ‘каменные горы’) и т.п. Материальная сторона перечисленных имен (их звучание, акустический образ) приобретает большую значимость в распознавании денотата, фонетической структуры его имени.

Все жанры народной поэзии живут и развиваются в тесной взаимосвязи и взаимодействии. В 26 загадках встречаются сказочно-мифологические имена и антропонимы, отражающие мифопоэтическое восприятие мира. Отмечено 4 женских и 15 мужских имен, среди которых 16 онимов из якутских сказок и мифов. Значение некоторых антропонимов соотносится с известными образными представлениями о мире.

Например, камень алмаз загадан через образ лучезарной девушки *Кун Чөмчүүк*. Это женское имя, широко встречающееся в сказках, принадлежит одной из двух дочерей Омогоя. Этимология лексемы *Чөмчүүк* объясняется ее

исходным звучанием – *дьөмчүүк* ‘жемчуг’ (рус; ср. тюрк. *дьэнчү, йэнчү* ‘жемчуг’) (Пекарский, 1959: стлб. 3670). Имя указывает на признак блеска, чистоты, драгоценности алмаза.

Через антропонимы *Баай Байбарыын эмээхин* ‘старушка Баай Байбарыын’, *Баай Багадах эмээхин* ‘богатая старушка Баай Багадах’ загадано богатство недр земных *сир баайа*. Основа слова *Байбарыын* образована от *байбары* (от русск. ‘фалбора’ – оборка по подолу платья или сарафана) (Слепцов, 1972: 60). Отметим, что фонетическая структура лексемы совпадает с мифологическим именем *Баай Байанай* (дух-хозяин леса), которого иначе называют *Баай Барылаах*, то есть ‘всеми богатый’. Таким образом, вымышленное имя не только созвучно с именем денотата, но и семантически указывает на отгадку.

Халантай эмээхин Улуу тойон сүөһүтүн быһа салаан барбыт үһү. Говорят, старуха Халантай у Могучего Улуу тойона весь скот слизнула-угнала. Отгадка: тибии ‘метель’ (Ойунская, 1975: 45). В этом фольклорном тексте фигурируют два имени. *Улуутуйар Улуу тойон* является повелителем злых духов верхнего мира, дух-покровитель воронов и шаманов. В мифах сказано, что он дал людям душу (*сүр*) и послал им через ворона огонь. В некоторых мифах *Улуу тойон* выступает в образе какого-нибудь крупного животного: приняв образ большого черного быка или черного жеребца, громадного медведя или лося, он с ревом и шумом пробегает по земле. Известны поверья о быке-годовике, олицетворяющем зиму. До сих пор якуты, когда во второй половине января ослабевает мороз, говорят, что у быка отпал первый рог (в первый Афанасьев день – 31 января), затем отпадает второй рог (во второй Афанасьев день – 8 февраля); в третий Афанасьев день бык терял свою голову (15 февраля). Когда завершалась пора сильных морозов и приходил *Сылаас Өлөксөй* ‘Теплый Алексей’, у быка отваливалась спина (23 февраля) (Гоголев, 1999: 27). В загадке, видимо, отразилось то, что метель буйствует зимой, а ближе к весне сильный ветер способствует разлому льда и половодью – отсюда имя *Халантай* (от *халаан уута* ‘половодье’).

Антропоним *Кыыкыйдаан ойуун* зафиксирован в паремии о замерзании и таянии водоемов: *Кыыкыйдаан ойуун төгүрүк дьылга иккитэ кыыран илгистэр үһү.* Говорят, шаман Кыыкыдан в год два раза камлает-беснуется (Ойунская, 1975: 61). В словаре Э.К. Пекарского имя *Кыыкыйдаан* (*Кыыкылаан*) отмечено как сказочное, это имя шамана или шаманки. *Кыысар былът иччитэ Кыыкыйдаан-удаган* ‘дух-хозяин багрового облака Кыыкыйдаан-шаманка’. Слово *кыыкына*, от которого образовано имя, означает ‘скрипеть’, *кыыкыр* (осм. *кыкыр* ‘тонкий’, ‘сухой’, ‘твердый’,

‘шуршащий’) – скрипящие звуки, подобные звукам от взаимного трения деревьев в лесу, восклицание, которое произносит шаман, сидя, когда намеревается высечь огнем огонь (Пекарский, 1959: стлб. 1375). Семантика лексемы *кыыкыр* отражает характерное «поведение» денотата: когда вода становится льдом, слышится треск, при таянии водоемов разлом льда сопровождается звучанием громче, раскатистее. Подобные звуки издают и металлические подвески на костюме шамана во время камлания.

Четыре стороны горизонта в паремии названы *түөрт ааттаах Өксөкү тойон* ‘Эксэку тойон с четырьмя именами’. В словаре даются следующие толкования имени *Өксөкү*: 1. сказочно-шаманская птица, представляемая обыкновенно с двумя или тремя головами; король крылатых; орел, *хотой*; двуглавый орел; *көтөр кынаттаах кыыл өксөкүтүтэн улахана ачыгыгар дылы* (превращается) от самого большого из *өксөкү* до маленького; Сказочный орел, царь птиц, с восемью головами и четырехгранным клювом. 2. двухголовое крылатое чучело из дерева, насаживаемое на один из трех шестов, вбиваемых впереди заранее подготовленного столба (*сэргэ*) во время церемонии проводов духа и жертвенной скотины на небо» (Пекарский, 1959: стлб. 1924). В текстах олонхо богатыри превращаются в чудовищного орла *Эксэку*. А.И. Гоголев считает, что описание этой птицы совпадает с внешней характеристикой грифонов скифо-сибирской эпохи на Алтае: птица вся полосатая, словно стянутая в трех местах поясом-кушаком в пегой священной масти (ала) (Гоголев, 2002: 21). *Өксөкү* в переводе С.П. Ойунской дано как ‘орел-господин’. В загадке выбор образа обусловлен тем, что по мифологическим представлениям якутов *Өксөкү* обычно сидит на девятой толстой ветви мирового древа, символизирующего, в свою очередь, пространственную модель космоса. Прием гиперболы обнаруживается в загадке-омониме, где сказочное существо служит метафорой мошки и комара (Ойунская, 1975: 104, 106).

Сапыскаан эмээхсин дьааһыга ‘ящик старухи Сапыскан’ – небо (Ойунская, 1975: 24). В примечаниях сборника якутских загадок С.П. Ойунская предположила, что имя происходит от слова *сапыска* – шапочка, колпак, которое по фольклорным представлениям якутов соотносится с образом неба (Ойунская, 1975: 350).

Антропоним *Түөрт ааттаах Төгүрүүэ боотур* ‘Кругляш-богатырь с четырьмя именами’ (*сагах өттүлэрэ* ‘стороны горизонта’), с одной стороны, олицетворяет физиологический образ тучного, полного человека, а с другой стороны, оно отражает мифологические представления якутов о небе в форме кольца, где четыре стороны горизонта представляют собой сакральный символ

горизонтальной модели мира (юг, север, восток, запад и их промежуточные направления): крест, заключенный в круг (Гоголев, 2002: 9).

Также в число сказочно-мифологических антропонимов включены имена: *Сүң хаан* ‘Сюнг хаан’ (божество грома, отгадка: *сир* ‘земля’), *Кун Күбэй биэ* ‘кобылица Кюн-Кюбэй’ (имя жены или матери героя эпоса олонхо, отгадка: *өрүс* ‘река’), *Эрчи Дьоруо* ‘ловкий иноходец Эрчи Джоруо’ (сказочное имя, отгадка: *күлүк* ‘тень’), *Кэлээни огонньор* ‘старик Кэлээни-сластолюбец’ (имя духа сладострастия, *талах* ‘тальник, прутья, ветки деревьев’), *Ойуоккалас Орой-буурай* ‘прыгучий Орой-буурай’ (сказочное, мифологическое имя, отгадка: *аһыңа* ‘кузнечик’), *Одун хаантан оңоһуулаах оқуо-тоқуо* ‘оқуо-тоқуо с предначертанием от Одун-хана’ (имя властителя рока и судьбы, отгадка: *биһик* ‘зыбка, колыбель’). Например: *Күн Күбэй биэ кулунан эмэр үһү*. Кюн-кюбэй дитяти свое сосет. Отгадка: *өрүс* ‘река’;

Кэлээни огонньор иннинэн-кэннинэн барар үһү. Говорят, старик Кэлээни взад-вперед движется. Отгадка: *талах* ‘тальник’;

Ойуоккалас Орой-буурай баар үһү. Говорят, есть прыгучий Орой-буурай. Отгадка: *аһыңа* ‘кузнечик’ (Ойунская, 1975: 57, 82, 100).

В якутской культуре имя Кюн-Кюбэй является постоянным эпитетом матери – *Кун Күбэй ийэ* (букв. мать-солнце), в паремии река ассоциируется с матерью, так как в нее впадают маленькие реки. Своеобразным *point*’ом является то, что в тексте мать питается от своего ребенка. Во второй загадке образом тальника выбран дух сладострастия Кэлээни по сходству характерного движения. Признак прыгучести ярко описывает особенности поведения кузнечика и является подсказкой.

С принятием православной веры в якутских паремиях появились имена персонажей из Библии. Всего библейских имен найдено 3. Например, текст загадки об опадании хвои и листьев с деревьев адресует отгадчика к библейским источникам: *Адам арбагаһа алдьанар, Ной сукуната суулар*. Адамова доха рвется, Ноево сукно протирается (Ойунская, 1975: 56).

В виде сатаны представлен паук, так как он питается насекомыми, попавшими в его сеть: *Сатана огонньор саламатын тиирбит*. Старина-сатана веревочки свои развесил (Ойунская, 1975: 111 – 112). Сатана – то же, что и дьявол – в якутской культуре значится как злой дух или глава злых духов, противостоящий Богу и обитающий в Нижнем мире.

С введением христианства, с установлением общественных, экономических и культурных связей с русским народом, в жизнь якутов стали проникать русские имена, которые давали, руководствуясь святыми. После крещения якутские имена-прозвища продолжали употребляться наряду с полученными при крещении русскими именами, выступая в качестве составной части. Данную категорию имен ономасты называют вторыми или национальными именами, характеризующимися сочетаниями выразительного имени с не менее выразительным определением – прозвищем, передающим отношение окружающих к человеку (Рудных, 1970: 221 – 222). Традиция именования якутским именем после христианизации во многих местах стала обычаем, которому придавали значение оберега («убережет от болезни, от неудач и прочих бед»). Национальное имя оставалось на всю жизнь основным, документальное же русское имя фигурировало лишь в официальной сфере. Но в документах XVIII – XIX века, как отмечает А.И. Рудных, встречаются факты «сосуществования» обоих имен у якутов, к примеру: «Сего 1822 г. в июне месяце родник мой Федор Андросов по-якутски Дигири с семейством мужеска и женска пола... отлучился с ухаждей своих...» (из донесения князю Николаю Тюприну); «...Немедленно представить по прилагаемой форме списки о ... старостах... Василии Бобровском (Кулгах); инородцах... Максиме Степанове (Харанай)... Николае Винокурове (Муна)...» (из предписания Верхоянского окружного исправника от 7 декабря 1881 г.) (Рудных, 1970: 223).

Данное историческое явление нашло отражение и в загадках: *Сүппэт Бүөтүр* 'Неисчезающий Петр' (отгадка: *кулук* 'тень'), *Тоһорууя Миитэрэй* 'Дмитрий-Стукало' (отгадка: *талах мас* 'посох'), *Хончооруя Сүөкүлэ* 'Фекла-Торчунья' (*хамса* 'трубка'); *Хойуу кутурук Ньыттаарыс Маанна* 'Гладкотелая Марфа-пушистый хвост' (*тииң* 'белка'), *Сирилиир Сэмэн* 'Семен-Гуделка' (*истиискэ* 'спички').

Среди загадок с русскими личными именами (45 текстов) выявлено 11 женских и 20 мужских имен. Все личные имена, заимствованные из русского языка, в языке якутов подвергаются фонетической адаптации. При этом звуки русского языка заменены близкими в артикуляционно-акустическом отношении звуками якутского языка. «Передача нехарактерных для якутского языка русских звуков и их сочетаний часто искажает звуковой облик слова до неузнаваемости и в ряде случаев приводит к образованию нескольких вариантов произношения заимствованного слова» (Гриценко, 1970: 160). В подтверждение приведем примеры имен из загадок: *Киргизэлэй* 'Григорий', *Лэпсэй* 'Евсей', *Ньыыкан* 'Никон', *Ородьумаан* 'Родион', *Охонооһой* 'Афанасий', *Өрүүнэ* 'Ирина', *Сүөкүлэ* 'Фекла', *Ылдьаас* 'Илья'.

Кроме того, преобразованные по звучанию русские имена в загадках иногда даны в уменьшительной форме. Такие имена характеризуют денотат по-особому. К примеру, именем *Ньукудуку суруксут* ‘писарь Николашка’ названо мелкое насекомое *мас үөнэ* ‘деревоточец’, что, несомненно, говорит о размере денотата. Часто уменьшительные аффиксы в именах участвуют в создании созвучия с фонетической структурой денотата (имя *Мэхээлэ* ‘Михась’ и отгадка *моготой* ‘бурундук’) или внутритекстовой аллитерации и ассонанса: *Ааныска эмээхсин сааһын тухары саал быладтын уура сатыыр, ону тэрээккэ маһа ылбат* ‘Старуха Аннушка весь век свой шалевый платок положить-повесить старается, да разлапистая-то не берет’ (отгадка: *көмнөөх хаар түһэрэ* ‘опадание снега с деревьев’) (Ойунская, 1975: 56).

В некоторых текстах использование русских личных имен объясняется заимствованным характером загадки. Таковы загадки о грибе: *Стоит Антошка на одной ножке* (Садовников, 1959: 166) = *Онтоон озонньор аңаар атахтаах* (Ойунская, 1975: 88); о двери и печи: *Широкая-широкая Катерина да толстая-претолстая Софья / Дарья* (Митрофанова, 1968: 106) = *Кэтит-кэтит Кэтиришинэ, суон-суон Суоппуйа / Даарыйа* (Ойунская, 1975: 230); курице: *На белой горке Маланья и живых, и мертвых сторожит* (Митрофанова, 1968: 42) = *Маңан хайа үрдүгэр Малаанья өлбүттэри, тыыннаахтары маныыр* (Ойунская, 1975: 132). В целом, заимствованные русские личные имена в якутских паремиях «характеризуются отсутствием социально-закрепленной информации» (Азнаурова, 1977: 99). Личные имена являются своеобразным звукосемантическим кодом, содержащим характерную информацию о денотате.

В заключении отметим, что в наречении именем предметов и явлений в загадках преобладают мужские имена. Причиной малого числа женских антропонимов, возможно, является то, что в отличие от мужчины женщине в прошлом отводилось небольшое, подчиненное место в обществе. В фольклорной культуре якутов существовало деление вселенной, с одной стороны, на высшее, небесное, то есть мужское начало, с другой, – на низшее, земное, то есть женское начало (Потапов, 1972: 116).

Якутские прозвища в большинстве случаев находятся в паре с именами существительными, обозначающими родство, социальное положение, военный титул, род занятий. Примечательно, что сказочно-мифологические антропонимы имеют огромную культурную значимость, так как отражают мифопоэтическую картину мира, личные имена, заимствованные из русского языка, говорят об историческом прошлом народа.

Как показал материал, посредством антропонимов обозначены денотаты разной тематики, наиболее частотными из них определены явления природы и животный мир. Таким образом, в основу универсальной антропоморфической метафоры, заключенной в имени собственном, положена идея единства микромира и макромира, природы и человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

Азнаурова Э.С. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи // Языковая номинация. Виды наименований / отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 86 – 128.

Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация (виды наименований). М.: Наука, 1977. С. 304 – 358.

Габышева Л.Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.

Гоголев А.И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. Научно-популярное издание. Якутск: изд-во Якутского гос. ун-та, 2002. 104 с.

Гоголев А.И. Традиционный календарь якутов. Якутск изд-во Якутского гос. ун-та, 1999. 71 с.

Гриценко К.Ф. Личные имена и прозвища у якутов // Сб. Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 155 – 166.

Кенгэс-Маранда Э. Логика загадки // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М.: Наука, 1978. С. 249 – 282.

Митрофанова В.В. Русские народные загадки / изд. подгот. В.В. Митрофанова. Л.: Наука, 1968. 255 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. / под ред. д-ра филол. наук Шведовой Н.Ю. М.: Русский язык, 1984. изд-е 15-е. 814 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. В 3 т. М.: Издательство АН СССР, 1959. 3858 стлб: Часть I: Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским. Вып. 1. – 1907. 80 с.; Вып. 2. – 1908. С. 81 – 194; Вып. 3. – 1909. С. 195–280; Вып. 4. – 1910. С. 281–400; Вып. 5. – 1911. С. 401 – 476; Часть II: Образцы народной литературы якутов, собранные И.А. Худяковым. – Вып. 1. – 1913. 190 с.; Вып. 2. – 1918. С. 191 – 258. Часть III:

Образцы народной литературы якутов, собранные В.Н. Васильевым. – Вып. 1. – 1916. 196 с.

Потапов И.А. Якутская народная резьба по дереву. Якутск, 1972. 143 с.

Рудных А.И. Вторые имена у якутов // сб. Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 223 – 224.

Садовников Д.Н. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д.Н. Садовников. М.: Издательство Московского университета, 1959. 336 с.

Саха таабырыннара. Якутские загадки / сост. С.П. Ойунская. Якутск: Якутское книжное издательство, 1975. 375 с.

Якутско-русский словарь / под ред. П.А. Слепцова. М.: Советская энциклопедия, 1972. 608 с.